

УДК 94(83)+94(460).042

doi 10.17072/2219-3111-2022-4-18-29

Ссылка для цитирования: *Мухеев Д. В.* Морские ворота «Испанского озера»: первая экспедиция де Гамбоа к Магелланову проливу // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 18–29.

МОРСКИЕ ВОРОТА «ИСПАНСКОГО ОЗЕРА»: ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЕ ГАМБОА К МАГЕЛЛАНОВУ ПРОЛИВУ¹

Д. В. Мухеев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
tankred85@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9263-0234
ResearcherID: ADC-6410-2022
Scopus Author ID: 57765170300

Статья посвящена подготовке и ходу первой экспедиции к Магелланову проливу под руководством одного из самых ярких испанских навигаторов, ученых и гуманистов XVI столетия Педро Сармьенто де Гамбоа. Интерес испанских первооткрывателей к проливу возник сразу после кругосветной экспедиции Магеллана, однако на протяжении более чем полувека регион оставался плохо освоенной пограничной зоной испанских владений на юге Американского континента. Грабительский рейд Фрэнсиса Дрейка возродил испанские проекты исследования и колонизации пролива. Из отдаленного неосвоенного пограничного пространства пролив превратился в главные морские ворота «Испанского озера», как сами испанцы называли Тихий океан. Идея подготовки экспедиции принадлежала вице-королю Перу дону Франсиско де Толедо. Именно он подготовил инструкции и выбрал из числа своих подчиненных руководителя экспедиции. Инструкции, переданные де Гамбоа, демонстрируют точную проработку всех деталей военной и научно-исследовательской работы, необходимой для будущей колонизации региона. Несмотря на сложности путешествия, первая экспедиция к проливу может считаться самым успешным предприятием де Гамбоа. Следуя основным положениям инструкции, несмотря на дезертирство второго корабля, де Гамбоа смог выполнить основные задачи, стоявшие перед экспедицией. Были исследованы маршруты к проливу, его тихоокеанское и атлантическое устья, определены его природные и географические особенности, налажены контакты с туземным населением, намечено место для будущего поселения. Однако заметные преувеличения в описаниях природных богатств региона, мягкого климата и его густонаселенности в дальнейшем способствовали провалу второй, более масштабной экспедиции, предполагавшей основание постоянного испанского поселения в проливе.

Ключевые слова: Педро Сармьенто де Гамбоа, Фрэнсис Дрейк, Франсиско де Толедо, эпоха Великих географических открытий, Новый Свет, Магелланов пролив, Огненная земля.

Эпоха Великих географических открытий и последовавшее вскоре за ее началом завоевание Нового Света привели к появлению первых торгово-колониальных империй. Несмотря на быстрое освоение испанцами территории Американского континента, отдельные важные в стратегическом плане районы из-за своей удаленности и труднодоступности оставались малоисследованы и только формально определялись как владения испанской короны. К их числу можно отнести территорию Патагонии и Магелланов пролив, рассматривавшийся как южная граница испанских владений в Новом Свете [Кофман, 2006, с. 134]. Путешествие Магеллана наряду с завоеванием территории Перу и Чили вызвало подготовку нескольких морских экспедиций в южную часть Тихого океана, способствовав началу освоения чилийского побережья [Альтамира-и-Кревеа, 1951, с. 52]. С подписанием в 1529 г. Сарагосского договора интерес к маршруту через Магелланов пролив постепенно ослабевал. Этому способствовали как освоение испанцами тихоокеанского побережья Америки, так и развитие сухопутного маршрута через

Панамский перешеек, связавшего владения испанской короны на тихоокеанском и атлантическом побережье Американского континента. Редкие экспедиции к проливу были в большей степени инициативой отдельных представителей колониальной администрации Чили и частных лиц, заканчивавшиеся безрезультатно, даже при удачном для участников исходе путешествия. О Магеллановом проливе забыли на долгие годы, но в 1578 г. маршрут был использован английским первооткрывателем и корсаром Фрэнсисом Дрейком. Это был первый случай, когда проливом воспользовались корабли, не принадлежавшие подданным испанской короны. Ранее испанцы безраздельно господствовали на Тихом океане, называя его «Южным морем» или «Испанским озером». Теперь Магелланов пролив для держав, не участвовавших прежде в разделе мира, превратился в главные ворота на пути к тихоокеанским владениям Испании и богатствам Востока.

Задача по исследованию и укреплению пролива после появления здесь кораблей елизаветинского первооткрывателя и корсара Фрэнсиса Дрейка была возложена на Педро Сармьенто де Гамбоа. Для своего времени он обладал самыми передовыми познаниями в мореходном искусстве и картографии [Morison, 1974, p. 690]. Спустя несколько столетий, в своей характеристике де Гамбоа, данной в многотомной истории испанского флота, Фернандес Дуро описывал его как «великого мореплавателя, космографа, картографа, гуманиста, историка и антиквара» [Fernandez Duro, 1896, p. 253]. Богатый морской опыт де Гамбоа был подкреплен участием в экспедициях Альваро Менданы к Соломоновым островам. Однако самым удивительным и успешным его предприятием стала одиссея Магелланова пролива [Clissold, 1954, p. 136; Spate, 1979, p. 268].

Подробную информацию о ходе первой экспедиции к проливу дают отчеты, составленные де Гамбоа, а также официальные донесения испанских дипломатов и переписка, которую вели представители испанской колониальной администрации. Значительная часть документов собрана в сборнике Хаклюйтовского общества, посвященном попыткам де Гамбоа исследовать и начать колонизацию пролива (Narratives..., 1895). Отдельные документы содержатся в многотомном сборнике Ричарда Хаклюйта младшего (*Hakluyt*, 1904), впервые увидевшем свет еще в конце XVI столетия. Донесения испанских дипломатов и представителей колониальной администрации в связи с действиями Фрэнсиса Дрейка можно найти в сборнике Селии Наттолл (*New Light on Drake...*, 1914) и календарях государственных бумаг испанской серии (*Calendar of Letters and State Papers...*, 1894, 1896).

6 сентября 1578 г. Дрейк смог преодолеть пролив и в начале декабря 1578 г. достиг первых испанских поселений. Удивительно, но господствуя на тихоокеанском побережье Нового Света на протяжении нескольких десятилетий, испанские власти не имели в регионе боеспособного флота. Тихоокеанские трассы, проходившие в глубине испанских владений, не испытывали корсарского натиска первой половины XVI столетия, считались неуязвимыми для атак и не были защищены [Копелев, 2013, с. 243]. Грабительский рейд Дрейка оказался для колониальных властей полной неожиданностью.

Первая попытка перехватить английского корсара на море была предпринята только 16 февраля 1579 г. в районе Кальяо – морских ворот столицы вице-королевства Перу Лимы. Уже в первой непродолжительной погоне за англичанами в качестве добровольца принял участие Педро Сармьенто де Гамбоа, главный космограф вице-короля Перу дон Франсиско де Толедо. «Примерно триста человек отправилось в путь, желая покарать корсара, как будто это было личным делом каждого...» (*New Light on Drake...*, 1914, p. 61). Однако в пылу погони испанцы забыли снабдить корабли припасами, артиллерией и даже не удосужились загрузить балласт, в результате чего корабли «раскачивались даже при движении людей, передвигаясь из-за этого очень медленно» (*Ibid.*, p. 62–63). Некоторые испанские офицеры ссылались на то, что «большинство господ страдало от морской болезни и было не в состоянии стоять, а тем более сражаться» (*Ibid.*, p. 63). В результате возглавивший преследование генерал Диего де Фриас-Трехо был вынужден вернуться обратно в Кальяо. Узнав о случившемся, «вице-король издал распоряжение, что ни один человек не может сойти на берег под страхом смерти, а затем приказал арестовать некоторых» (*Ibid.*, p. 70).

Стремясь спасти положение, дон Франсиско де Толедо направил вторую эскадру в погоню за Дрейком. На борту двух кораблей находилось 120 солдат, помимо матросов, а общий состав

экипажей достигал 200 человек (Ibid.). Из всех участников первой погони больше всех повезло именно Педро Сармьенто де Гамбоа, гнев вице-короля его не коснулся. Напротив, он был назначен сержант-майором или главным сержантом на корабли новой эскадры. Эта должность соответствовала морскому инженеру, отвечавшему за материальную часть флота и артиллерию [Свет, 1967, с. 108]. Генерал Диего де Фриас-Трехо был назначен адмиралом, руководителем всего предприятия стал Луис де Толедо – сын вице-короля (New Light on Drake..., 1914, p. 70–71).

Корабли вышли в море спустя две недели после того, как англичане покинули Кальяо. «Все шли с огромным желанием сразиться с врагом, но с малой надеждой нагнать его, так как он ушел пятнадцать дней назад» (Ibid., p. 71). Чтобы настигнуть Дрейка, нужно было проявить инициативу и изобретательность. Де Фриас-Трехо и де Гамбоа разработали рискованный план, который помог бы преодолеть отставание от английских корсаров. Они предлагали, используя течения и попутный ветер, идти не вдоль берега, а выйти в открытое море и следовать к Никарагуа, куда и направлялся Дрейк (Ibid., p. 73–74). Однако окончательное решение принимал дон Луис, который предпочел строго следовать выданным накануне отплытия инструкциям. Когда испанские корабли достигли Панамы, англичане уже ушли далеко на север. Дон Франсиско де Толедо, узнав о случившемся, немедленно отстранил сына от командования, назначив руководителем экспедиции де Фриас-Трехо. Впрочем, время было упущено, и вице-король распорядился прекратить бесполезную авантюру с преследованием англичан в малоисследованных северных водах. 12 июля 1579 г. корабли вернулись обратно в Кальяо.

Еще до возвращения испанских кораблей, тщетно пытавшихся перехватить «Золотую лань» Дрейка, вице-король Перу задумался над новым проектом. Необходимо было заблокировать Магелланов пролив для иностранных кораблей. Подготовка очередной экспедиции была вызвана в том числе и тем, что «распространились слухи и всеобщий страх перед двумя английскими кораблями, сопровождавшими Франсиско Дракеса, ... так что люди не знали, что делать, прекратив свои дела, потому что торговцы боялись рисковать своим товаром, а моряки – плыть» (Narratives..., 1895, p. 4). Кроме того, сохранялась высокая вероятность, что англичане попытаются вернуться на родину тем же путем, которым они попали в Тихий океан.

Необходимо было пройти и описать пролив для дальнейшего наилучшего укрепления. С этой целью надлежало определить масштабы предстоящих работ и официально ввести земли вдоль пролива во владение испанского короля. Кроме того, в ходе новой экспедиции необходимо было составить точные карты побережья и пролива, а с этой задачей лучше всего мог справиться только опытный картограф. На этот раз принцип знатности происхождения отошел на второй план, и ставка была сделана на опыт и былые заслуги. Сам вице-король полагал Педро Сармьенто де Гамбоа наиболее подходящим человеком для выполнения подобной миссии, которая была доверена ему благодаря опыту, приобретенному «в ходе военных действий как на море, так и на суше в течение десяти лет» (Ibid., p. 8). Примечательно и то, что главным штурманом экспедиции Мендандьи, в которой де Гамбоа принял самое активное участие, был Эрнан Гальего. В 1550-е гг. этот штурман участвовал в экспедициях Франсиско де Ульоа и Хуана Ладрильеро к Магелланову проливу [Spate, 1979, p. 121–123]. Таким образом, де Гамбоа мог знать из первых рук о ходе прежних экспедиций.

Многие в вице-королевстве полагали, что выполнить поставленную задачу невозможно. Описывая мнения, царившие в вице-королевстве, де Гамбоа писал: «Магелланов пролив, как считалось, было почти невозможно исследовать пройдя через Южное море из-за бесчисленных проходов и каналов, которые можно встретить до того, как добраться до него, где многие исследователи, направленные губернаторами Перу и Чили, были потеряны. Хотя были люди, которые пытались попасть в него через Северное море, но им это так и не удалось. Некоторые пропали без вести, а другие вернулись, разбросанные штормами и сомневающиеся, что можно обнаружить [пролив], так что все боялись подобного плавания» (Narratives..., 1895, p. 4).

Через десять дней после возвращения кораблей, преследовавших Дрейка, вице-король начал подготовку новой экспедиции (Ibid., p. 5). По его распоряжению в Кальяо собирали необходимые припасы и подыскивали наиболее подходящие суда. В итоге были приобретены два корабля, лично проинспектированные доном Франсиско. Флагманский корабль, или капитана, получил название «Нуэстра сеньора де Эсперанса», а вице-адмиральский корабль, или альмиран-

та, – «Сан Франсиско». Согласно сочинению Лопеса Васа, составленному в 1587 г., водоизмещение флагманского корабля составляло 100 т, а вице-адмиральского – 80 т (*Hakluyt*, 1904, p. 266).

Был собран экипаж, включавший 112 матросов, солдат и офицеров (*Narratives...*, 1895, p. 6). Вероятно, на борту имелись в качестве прислуги и проводников темнокожие рабы, мулаты и индейцы, однако их обычно не указывали в списке поименно (*Ibid.*, p. 133). Вице-адмиральские полномочия получил Хуан де Вильялобос, разместившийся на «Сан-Франсиско» (*Ibid.*, p. 22). Лучшие штурманы вице-королевства Антон Паблос и Эрнандо Алонсо были приписаны к «Нуэстара сеньора де Эсперанса», Эрнандо Ламеро, являвшийся главным штурманом экспедиции, – к «Сан-Франсиско» (*Ibid.*). Примечательно, что Эрнандо Ламеро прежде успел лично пообщаться с Дрейком, когда его корабль был захвачен английским корсаром.

Среди прочих участников экспедиции на кораблях размещались священники. На флагманском корабле экспедиции находился францисканец Антонио Гуадрамиро, на альмиранте – францисканец Кристоаль де Верида (*Ibid.*). Для ведения записей и составления официальных бумаг на кораблях находились нотариусы Хуана де Эскивель и Франсиско де Трехо (*Ibid.*, p. 9, 22–23). Я. М. Свет полагал, что им же было поручено вице-королем контролировать действия де Гамбоа и Вильялобоса [*Свет*, 1967, с. 112–113]. Лейтенантом на флагманском корабле был назначен дон Гутьере де Гевара, а боцманом Педро де Охеда, сержант-майор Паскуаль Суарес разместился на «Сан-Франсиско» (*Narratives...*, 1895, p. 22–23), боцманом на альмиранте был некий Гильерме (*Ibid.*, p. 23).

Было поручено снабдить корабли двойной нормой припасов, чтобы по пути к проливу не потребовалось заходить в порты для их пополнения. Среди прочего на корабли были погружены товары, необходимые для обмена с индейцами (*Ibid.*, p. 11–12). Были снабжены корабли и необходимым в опасном путешествии вооружением. На каждом было размещено по два орудия, экипажи получили по 20 аркебуз, мечи, пики и прочее холодное оружие (*Ibid.*, p. 23). Подобного военного снаряжения должно было хватить для обороны, но для борьбы с английскими корсарами вооружение выглядело явно недостаточным. Так, например, на борту «Золотой лани» было не менее 70 отлично вооруженных корсаров и не менее 18 орудий. На экстренный случай на борту кораблей в разобранном виде хранились материалы для строительства бригаантины, или пинаса (*Ibid.*, p. 14).

Действия Педро Сармьенто де Гамбоа и его людей были строго регламентированы в инструкции, составленной вице-королем. Главными целями экспедиции были обследование, описание и введение в испанское владение Магелланова пролива. В связи с этим ее участникам следовало внимательно отмечать маршруты, течения и приливы, ветры, а также рифы, скалы, острова, земли, реки, гавани, якорные стоянки и заливы. Когда это возможно, необходимо было устанавливать высокие кресты в качестве знаков для тех, кто может проходить тем же маршрутом позже (*Ibid.*, p. 10).

Дневник экспедиции и подробные карты было предписано вести ежедневно на капитане и альмиранте, «в присутствии Хуана де Эскивеля и Франсиско де Трехо, нотариусов, назначенных на упомянутые корабли» (*Ibid.*, p. 9). Составленный текст следовало ежедневно зачитывать всей команде, чтобы, если возникнут разногласия, вносить в него специальные пометки, заверяя их подписью нотариуса и священника (*Ibid.*, p. 10).

Капитанам двух кораблей было предписано как можно чаще проводить совместные совещания, сравнивая свои записи и карты (*Ibid.*, p. 15). Вице-король настаивал, что корабли не должны были разлучаться в своем путешествии к атлантическому устью Магелланова пролива. Если же по какой-либо причине де Гамбоа и Вильялобос потеряли бы друг друга, им надлежало определить заранее место для встречи и попытаться воссоединиться, оставляя знаки друг другу в малознакомых районах (*Ibid.*, p. 17).

Особое внимание следовало уделить описанию судоходных проходов в Магелланов пролив и маршрутов в самом проливе. Нельзя было упустить ни одного возможного маршрута, так как «мало толку обнаруживать один проход, если другой останется для пиратов» (*Ibid.*, p. 12). Здесь раскрывается главная оплошность, допущенная при подготовке экспедиции. Несмотря на то, что уже имелись отдельные свидетельства о том, что Огненная земля может быть всего лишь островом, а не частью таинственного южного континента [*Магидович*, 1983, с. 205], коло-

ниальные власти были уверены, что укрепление пролива позволит заблокировать выход из Атлантического в Тихий океан.

В ходе экспедиции предстояло познакомиться с племенами, населявшими земли вблизи Магелланова пролива. С туземцами следовало наладить контакт, действуя исключительно мирными способами, задабривая жителей пролива подарками из числа тех, что были заблаговременно погружены на корабли: «ножницы, расчески, ножи, рыболовные крючки, цветные пуговицы, зеркала, колокольчики, стеклянные бусины и другие подобные предметы» (Narratives..., 1895, p. 11–12). Предписывалось, что испанцы «не должны брать у индейцев ничего против их воли, но только путем обмена и добровольно» (Ibid., p. 12). Важно было найти среди индейцев проводников, чтобы исследовать пролив.

Общаясь с туземцами следовало узнать их обычаи, характер и образ жизни, особенности их религии и идолов, которым они поклоняются, собрать подробные сведения об их жертвоприношениях и религиозных обрядах, выяснить, есть ли у них «короли», а если да, добились ли они успеха путем избрания или по праву крови или же, напротив, является их правление республиканским, какие ренты и налоги они платят, каких людей и вещи они больше всего уважают и ценят (Ibid., p. 11–12).

Для дальнейшего освоения пролива и основания колонии следовало узнать, какие продукты производят местные жители, а какие привозят из других мест. Какие животные дикие и домашние есть в этих землях, какие полезные растения здесь произрастают. В особенности следовало обратить внимание на те из них, которые могли быть полезны для пополнения припасов как будущих колонистов, так и самих участников экспедиции. Предписывалось выяснить, есть ли в районе пролива драгоценные камни, «есть ли в земле металлы и каких видов, есть ли специи или какие-либо ароматические снадобья». Для последней цели Педро Сармьенто де Гамбоа имел на борту несколько образцов специй, таких как перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатный орех и др., чтобы выяснить, знают ли туземцы о них (Ibid., p. 12). Некоторые исследователи полагали, что раздел инструкций о специях был скорее данью традиции, перекочевав в инструкции де Гамбоа из инструкций Магеллана [Свет, 1967, с. 114]. Однако, учитывая идею о существовании обширного южного материка, частью которого могла быть Огненная земля, испанцы могли предполагать существование здесь государства, достаточно развитого, чтобы вести международную торговлю, о которой упоминает вице-король в инструкциях. Кроме того, не исключалась сама возможность обнаружения новых растений, которые могли использоваться в качестве пряностей. В дальнейшем участники экспедиции упоминали об обнаружении коры дерева, по своим качествам напоминавшей корицу (Narratives..., 1895, p. 148).

Для того, чтобы утвердиться в районе Магелланова пролива, важно было ввести близлежащие земли в испанское владение. Если открытые объекты не имели названия, следовало их присвоить и записать в дневниках и картах экспедиции (Ibid., p. 10). Восьмой пункт инструкций гласил: «Где бы вы ни посчитали нужным остановиться и выйти на берег, вы должны от имени его Величества вступать во владение всеми землями, провинциями и портами, которых вы достигнете, совершив необходимые действия и торжества, которые должны быть засвидетельствованы в публичной форме нотариусами, которых вы берете с собой» (Ibid., p. 11). Размещение памятных знаков и крестов на берегу также служило символом ввода во владение открытых земель.

Отдельно в инструкциях были прописаны действия в случае встречи с европейскими корсарами или обнаружения их поселений. Де Гамбоа предписывалось «получить как можно более точную информацию об их количестве, их ресурсах и боеприпасах, которыми они обладают, а также о времени, когда они придут и поселятся» (Ibid., p. 15–16). Информацию следовало при первой возможности передать вице-королю. Вступать ли с корсарами в бой, решал сам де Гамбоа.

Возможная встреча с «Золотой ланью» не исключалась и удостоилась отдельного упоминания в инструкции: «Но если вы столкнетесь или получите известие о корабле, на котором плывет Франсиско Дракес, ... вы должны попытаться взять, убить или уничтожить его, сражаясь с ним любой ценой, ибо у вас есть достаточные силы, боеприпасы и оружие, чтобы вы могли взять его.... Вы должны сделать это с большим успехом и не упуская ни одной возможности, потому что вы знаете, как важно для служения Богу нашему Господу и его Величеству, а также для блага этих королевств, чтобы этот пират был схвачен и наказан» (Ibid., p. 15).

Преодолев Магелланов пролив, де Гамбоа должен был доставить отчеты вице-королю или его преемнику, в Совет по делам Индий и королю Филиппу II в Испанию. Именно с этой целью на борту каждого корабля необходимо было иметь четыре копии отчета о ходе путешествия (Ibid., p. 14). Первым и наиболее приемлемым вариантом, который рекомендовалось выбрать, было возвращение вице-адмиральского корабля через Магелланов пролив обратно в Кальяо. Сделать это надлежало через неисследованные устья пролива, если такие удастся обнаружить (Ibid., p. 12–13). Если же погодные условия не позволят действовать подобным образом, следовало направить второй корабль к губернатору Рио-де-ла-Платы, чтобы, перезимовав там, он мог вернуться через пролив обратно в Перу с отчетом о ходе экспедиции (Ibid., p. 13). Еще одну копию отчета надлежало отправить с одним из солдат сухопутным путем в Лиму. Третью копию отчета губернатор должен был при первой возможности направить в Испанию (Ibid., p. 14).

В случае, если один из кораблей экспедиции был потерян, две копии отчета следовало передать губернатору Рио-де-ла-Платы, чтобы он переслал их вице-королю и королю Филиппу II соответственно, еще одну копию следовало переслать вице-королю с одним из участников экспедиции любым доступным способом (Ibid.). Последнюю копию отчета и карты должен был доставить в Испанию лично Педро Сармьенто де Гамбоа (Ibid.). Об отправке экспедиции и скором появлении отчета о ее ходе вице-король обещал проинформировать испанского монарха, чтобы появление де Гамбоа и его людей не стало сюрпризом в Испании.

Тринадцатый пункт инструкции предписывал, что все дневники и карты должны вестись на корабле де Гамбоа и после выхода в Атлантический океан (Ibid.), чтобы отследить маршрут от пролива к испанскому побережью.

Отдельным поручением, данным в инструкциях, было проведение астрономических наблюдений, которые Педро Сармьенто де Гамбоа следовало производить на всем пути следования (Ibid., p. 15). В результате им были определены звезды, которые можно было использовать для навигации в широтах Магелланова пролива (Ibid., p. 148–149). Для отдельных объектов де Гамбоа удалось установить широту без погрешности, что для XVI в. было большим достижением [Свет, 1967, с. 124]. 31 марта 1580 г. ему удалось определить долготу месторасположения корабля в Атлантике: «Хотя мы знали свое положение по широте, мы не знали своей долготы. Сармьенто знал, как ее найти, но у него не было инструмента для наблюдения. Необходимость – мать изобретений, и Сармьенто сделал своего рода градусок, с помощью которого можно было наблюдать долготу. С помощью этого прибора, с Божьей помощью, 31 марта генерал определил градусы долготы по полнолунию и восходу солнца и обнаружил, что мы находимся на 18 градусах западной долготы по меридиану Севильи» (Ibid., p. 164). В дальнейшем де Гамбоа определил долготу нескольких объектов по пути в Испанию (Ibid., p. 168). Карты и астрономические наблюдения, сделанные в ходе путешествия, даже по современным меркам демонстрируют высокую точность.

9 октября Педро Сармьенто де Гамбоа и Хуан де Вильялобос были приведены к присяге, поклявшись следовать данным инструкциям и действовать на благо испанской короны в ходе экспедиции. 11 октября 1580 г. их корабли покинули порт Кальяо.

Несмотря на то, что в инструкциях было предписано следовать к проливу без промедления, не заходя в чилийские порты, уже в самом начале пути руководитель экспедиции был вынужден нарушить приказ. Внешне подготовка кораблей велась с большой тщательностью, однако флагманский галеон уже через несколько дней пути дал такую течь, что починить корабль в море не представлялось возможным. 17 октября корабли зашли в порт Писко для ремонта. Здесь после окончания работ де Гамбоа нанял еще четверых матросов (Ibid., p. 25). Припасы были пополнены, и путешествие к Магелланову проливу возобновилось.

Выполняя требование инструкций, де Гамбоа регулярно проводил совещания, сверяя карты и координаты кораблей и побережья, определенные на флагманском и вице-адмиральском корабле. Однако с самого начала обнаружились разногласия между руководителем экспедиции и Хуаном де Вильялобосом [Carrasco, 1945, p. 78–79].

По мере продвижения на юг погода становилась все холоднее. 17 ноября испанские корабли достигли залива, названного руководителем экспедиции заливом Святой Троицы (залив Тринидад). Неисследованный ранее район побережья Южной Америки был принят Педро Сармьенто де Гамбоа за искомый Магелланов пролив. Несколько недель он потратил на изуче-

ние окрестностей залива. 22 ноября де Гамбоа сошел со своими людьми на берег, провел службу и воздвиг большой крест, официально вступив от имени испанского короля во владение открытым берегом, в связи с чем Хуан де Эскивель составил соответствующий документ (Narratives..., 1895, p. 41–44).

Уже здесь среди членов экипажа начали раздаваться робкие голоса о том, что дон Педро довел участников экспедиции так далеко, как ни один из капитанов ранее, что разумным теперь было бы повернуть обратно домой. Де Гамбоа прекрасно понимал, что в Перу подобный поступок будет расцениваться как дезертирство. Кроме того, амбициозность поставленной перед ним задачи подталкивала его к продолжению экспедиции. Капитан уже подозревал, что его заместитель Вильялобос тайно поддерживает идею возвращения домой и помышляет о дезертирстве [Bobb, 1948, p. 271; Clissold, 1954, p. 120]. Однако, ограниченный в своих полномочиях инструкциями, он не мог самовольно сместить адмирала с его поста.

7 декабря эскадра перешла на стоянку в порт Бермехо, где провела еще несколько недель до начала января 1580 г. Здесь испанцам удалось наладить контакты с туземцами (Narratives..., 1895, p. 62, 68, 72). Все попытки захватить или любым другим способом заставить их служить проводниками оказались безуспешными. Изучая многочисленные острова, бухты и фьорды, де Гамбоа продолжал давать им названия, сооружать памятные знаки и вводить их во владение испанской короны, однако искомый проход в пролив так и не был обнаружен [Clissold, 1954, p. 123].

Испанская флотилия в составе двух галеонов и бригадины снова вышла в открытое море 21 января 1580 г. К многочисленным неприятностям, преследовавшим экспедицию, добавились шторма, столь частые в районе Магелланова пролива. В ночь с 21 на 22 января «Сан-Франсиско» был потерян. Вильялобос и штурман экспедиции Ламеро были отброшены бурей далеко на юг, до 56 градусов южной широты. Однако в их отчетах отсутствуют сведения о том, что за Огненной землей Тихий и Атлантический океан соединяются. По этой причине некоторые исследователи ставят под сомнение, что «Сан-Франсиско» зашел так далеко на юг [Arciniega, 1956, p. 128; Clissold, 1954, p. 126; Spate, 1979, p. 267]. Оказавшись разделенными с флагманским кораблем, Вильялобос и члены его команды, испытывая нехватку провизии, предпочли не искать более устье пролива, а направиться в ближайший чилийский порт. Шаг Вильялобоса и членов его команды можно было рассматривать как вынужденный, если бы они после пополнения припасов в Вальпараисо вновь отправились на поиски пролива. Однако это было именно дезертирство, что офицеры, солдаты и матросы на «Сан-Франсиско» прекрасно понимали. Именно по этой причине они несколько месяцев оставались на одном месте, не решаясь пойти ни на юг, ни на север в Кальяо. Чтобы хоть как-то оправдать свои действия, Вильялобос и его люди даже приняли участие в походе против мятежных индейцев, предпринятом властями Вальпараисо. Только в сентябре 1580 г. «Сан-Франсиско» вернулся в Кальяо [TheStruggle..., 2016, p. 8; Свет, 1967, с. 118]. Примечательно, что офицеры немедленно были арестованы, однако дело их так и не было доведено до конца. Вероятно, виной тому отставка с поста вице-короля дона Франсиско де Толедо, которого в 1581 г. отозвали обратно в Испанию.

Флагманский корабль экспедиции, несмотря на разразившуюся бурю, 23 января смог подойти к устью Магелланова пролива, который был переименован де Гамбоа в «Пролив Божьей Матери» (Narratives..., 1895, p. 121) в честь заступничества Девы Марии (Ibid., p. 133–134). В устье пролива «Нуэстра сеньора де Эсперанса» простояла почти две недели в ожидании второго корабля. 31 января, когда шторм прекратился и небо очистилось, де Гамбоа наблюдал лунное затмение, что позволило ему более точно рассчитать координаты входа в пролив (Ibid., p. 103).

Пребывая на вынужденной стоянке, в начале февраля руководителю экспедиции пришлось подавить мятеж, затеянный одним из солдат, желавшим вернуться обратно в Перу (Ibid., p. 104). Лопес Вас отмечал, что один из участников экспедиции был повешен после восстания (Nakluyt, 1904, p. 267), однако иных подтверждений этому нет. В более позднем акте, составленном при вступлении во владение проливом, среди лиц, присутствовавших при его составлении, перечислены все члены экспедиции, в том числе и Кристобаль де Бония (Narratives..., 1895, p. 132), чье имя указывается в качестве организатора мятежа. После произошедшего штурманы флагманского корабля рекомендовали последовать примеру альмиранты и вернуться в Чили (Ibid., p. 112), но экспедиция была продолжена.

3 февраля 1580 г. мы встречаем в дневниках первые сообщения о контактах с жителями пролива. По кускам голландской и руанской ткани, которую демонстрировали им туземцы, испанцы догадались, что индейцы уже были знакомы с европейцами, проходившими здесь ранее: «Судя по знакам [туземцев], ... с юго-востока подошли два корабля с такими же бородатými людьми, как и мы, вооруженные и одетые подобно нам. Исходя из этого и из-за льняной ткани, мы поверили им и заподозрили, что корабли, о которых они говорили, должны были принадлежать англичанам, прошедшим этим путем в прошлом году под командованием Франсиско Дракеса» (Ibid., p. 108–109). 5 февраля, по приказу де Гамбоа, на борт корабля были силой доставлены трое туземцев, пришедших, чтобы произвести обмен с испанцами. Индейцев накормили, вручили подарки и попытались расспросить о европейцах, которых они видели прежде. Из рассказа пленников удалось узнать, что европейцы, бывавшие здесь ранее, прибыли на двух кораблях, носили бороды и пользовались, как и туземцы, луками (Ibid., p. 111).

Только 6 февраля испанцы вошли в пролив и продолжили движение на восток, пользуясь помощью захваченных туземцев, как проводников. Медленно продвигаясь вглубь пролива, в среднем не более 3 или 4 лиг в день, что составляет примерно от 16 до 22 км, Педро Сармьенто де Гамбоа давал всем объектам названия, нанося их на карту и вступая во владение отдельными участками пролива от имени испанской короны, воздвигая в приметных местах памятные знаки и кресты. Примечательно, что, помимо новых названий, руководитель экспедиции старался воспроизводить в дневниках индейские названия географических объектов.

Продвигаясь все дальше, испанцы были вынуждены держать наготове орудия и аркебузы, опасаясь как англичан, так и местных туземцев. Проводники известили их об опасности со стороны индейцев, живущих в глубине пролива (Ibid., p. 118). На самом деле, чем дальше на восток продвигались люди де Гамбоа, тем чаще встречали агрессию среди туземцев. Так, 21 февраля несколько членов экспедиции были ранены индейцами при высадке на берег, несмотря на то что испанцы проявляли дружелюбие (Ibid., p. 146–147).

Описывая природные особенности западной части Магелланова пролива, Педро Сармьенто де Гамбоа упоминает наличие густой растительности на отдельных участках пути и теплую погоду. В начале февраля он оставил заметку в дневнике экспедиции: «По крайней мере, сейчас, в час, когда я пишу, тепло, как летом, и спокойно» (Ibid., p. 121–122). И это несмотря на холодную воду и снег, спускающийся с гор до самого побережья. Среди природных богатств региона в дневнике встречаются упоминания о больших стадах тюленей, на которых можно охотиться. Именно таким образом пополняли запасы провизии в свое время люди Дрейка (The World Encompassed..., 1854, p. 38–39, 54–55).

В месте впадения в пролив крупной реки, названной испанцами Сан-Хуан, участники экспедиции были благодушно встречены местными индейцами: «В качестве подарков они принесли кусок вонючей плоти тюленя, морских птиц, рыбу, красные плоды, похожие на вишню, и куски камня, испещренные и окрашенные [следами] серебряной и золотой руды» (Narratives..., 1895, p. 128). Место стоянки было названо «Заливом туземцев» (Ibid., p. 125). В дневниках залив описан достаточно привлекательным для основания поселения: «На северной стороне есть прекрасные долины и реки с хорошей водой, отличным лесом, безопасными портами и якорными стоянками» (Ibid., p. 126). Чуть выше по течению реки «были большие поля и пространства с очень хорошими пастбищами для овец», испанцы упоминали «двух оленей, очень толстых и больших», на которых успели здесь поохотиться (Ibid., p. 127). В ходе второй экспедиции к проливу де Гамбоа построил здесь город имени короля Филиппа. Судьба колонии оказалась печальной, впоследствии уже английские путешественники, в том числе известный английский корсар Томас Кавендиш, дадут этому месту новое название – Бухта Голода (*Hakluyt*, 1904, p. 299).

Описание, которое дает Педро Сармьенто де Гамбоа земле Магелланова пролива, явно приукрашивает действительность. Он упоминает о многочисленных туземцах и о земле, «с хорошим климатом, подходящей для поселения» (Narratives..., 1895, p. 125–126). В центральной части пролива земли, по словам де Гамбоа, более пригодны для возделывания зерна и выпаса скота. Туземцы сообщали ему, что здесь могут произрастать хлопок и даже корица, которую местные жители называли «кабка» (Ibid., p. 148). Вероятно, растение было похожее по своим свойствам на указанную пряность. По мнению руководителя экспедиции, это служило лучшим

доказательством мягкого климата, пригодного для колонистов. Впрочем, де Гамбоа прекрасно понимал, что от его отчета зависела судьба совершенных им открытий и возможная перспектива колонизации региона.

24 февраля «Нуэстра сеньора де Эсперанса» достигла восточного устья пролива. По расчетам руководителя экспедиции они прошли через пролив не менее 110 лиг. Педро Сармьенто де Гамбоа долго сокрушался, достигнув Атлантического океана, предательству экипажа альмиранты, сетуя на то, что многое не удалось исследовать и предпринять из-за их дезертирства (Ibid., p. 153).

Участники экспедиции должны были следовать после выхода из пролива к устью Ла-Платы, как предписывали им инструкции. Однако сильные течения отнесли корабль в открытое море. В начале апреля «Нуэстра сеньора де Эсперанса» достигла острова Вознесения, где испанцами была оставлена памятная надпись о первом испанском корабле, перешедшем из Перу в Атлантический океан (Ibid., p. 166–167). 17 апреля был пройден экватор. 28 апреля корабль достиг африканского побережья в районе Сьерра Леоне. 23 мая островов Зеленого Мыса достигли 54 человека (Ibid., p. 177). Вероятно, указывая данную цифру, де Гамбоа учитывал и прислугу, состоявшую из темнокожих рабов, мулатов и индейцев, находившихся на борту (Ibid., p. 179). Еще в Магеллановом проливе, приводя список членов экипажа, состоявший из 44 человек и прислуги, он отмечал, что на корабле погиб только один матрос во время шторма перед входом в пролив (Ibid., p. 131–133). Столь малые потери в ходе экспедиции, проходившей в малоисследованных водах в тяжелейших условиях, выглядят впечатляюще.

Из главного города архипелага Сантьягу Педро Сармьенто де Гамбоа отправил к Панамскому перешейку корабль с девятью членами экипажа во главе с кормчим Эрнандо Алонсо (Ibid., p. 189). Они доставили в Новый Свет отчет для вице-короля. Отдохнув, отремонтировав корабль и пополнив припасы, де Гамбоа покинул острова Зеленого Мыса 19 июня, а уже 18 июля испанцы достигли острова Терсейры. Объединившись здесь с кораблями испанского серебряного флота, следовавшего из Нового Света, 15 августа корабли достигли испанского побережья. 19 августа «Нуэстра сеньора де Эсперанса» пришвартовалась в гавани Севильи, завершив таким образом свой переход из Кальяо в главный порт Испании. На борту корабля находилось 34 испанца, перед которыми был зачитан дневник экспедиции, прежде чем передать его королевским чиновникам на берегу (Ibid., p. 203–203).

Карты и отчет о ходе экспедиции были переданы в распоряжение представителей Совета по делам Индии и лично Филиппа II. Экспедиция де Гамбоа поражала воображение его современников не меньше, чем путешествие Дрейка. В то же самое время это было не только военное или торгово-колониальное предприятие, но и научная экспедиция, заметно расширившая представления о землях в районе Магелланова пролива и особенностях навигации в водах южной Атлантики и Тихого океана. Астрономические и гидрографические исследования, проведенные в ходе путешествия, отличались высокой точностью. Впрочем, как отмечают исследователи, природные особенности Магелланова пролива, его флора и фауна были описаны с явным намерением приукрасить богатство региона [Bobb, 1948, p. 272; Свет, 1967, с. 124].

Большинство из открытий, совершенных де Гамбоа, нужно было держать в секрете. Успешный исход экспедиции доказывал возможность не только использовать маршрут через Магелланов пролив для путешествия из Тихого океана в Атлантический. Де Гамбоа и его люди доказали, что вслед за Дрейком могли последовать и прочие европейские капитаны, тем более что слухи о подготовке новых экспедиции широко распространились к моменту прибытия экспедиции в Испанию (Calendar of Letters and State Papers..., 1894, p. 694). Регион, долгое время рассматривавшийся как дальняя южная окраина испанских владений, отныне нужно было осваивать и укреплять. Теперь земли были официально введены в испанское владение. В ходе экспедиции нотариусом было подготовлено не менее 30 актов о введении во владение открытых земель [Spate, 1979, p. 266]. Многочисленные названия, данные де Гамбоа в ходе экспедиции безымянным прежде объектам, сохранились до наших дней [Свет, 1967, с. 124–125]. Описания Магеллании, доставленные в Испанию, свидетельствовали о природных богатствах региона и возможности его колонизации. Впрочем, открытие, совершенное Дрейком в ходе его экспедиции, перечеркивало все надежды на блокировку пути в обход Южной Америки, но Педро Сармьенто де Гамбоа не знал о существовании пути в обход мыса Горн. Отдельные слухи, ко-

торые появились после возвращения Дрейка на родину (Calendar of Letters and State Papers..., 1896, p. 341), не изменили планов испанского короля и его советников. Магелланов пролив необходимо было заблокировать для использования иностранными державами.

Экспедиция де Гамбоа стала не просто попыткой исследования дальних границ испанских владений в Новом Свете, усилием обнаружить прорехи в обороне колоний, но и прологом к реализации проекта планомерной колонизации региона, реальной конкисты Магелланова пролива. Следствием успешного исхода первой экспедиции стала подготовка флотилии, насчитывавшей несколько десятков кораблей и включавшей более 3 тысяч моряков, солдат и колонистов. Используя карты и планы, составленные в ходе первой экспедиции, один из лучших итальянских инженеров на службе короля Филиппа II Баттиста Антонелли разработает планы фортификации отдельных участков пролива [*Joaquín*, 2013, p. 154–173]. Возглавить это грандиозное предприятие будет поручено Педро Сармьенто де Гамбоа, доказавшему свою способность не только следовать инструкциям, но и, проявляя инициативу, вести за собой людей для достижения поставленной цели. Впрочем, новая экспедиция не будет столь успешной. Вторая одиссея Магелланова пролива закончится провалом, а история основания колонии станет одной из самых печальных страниц в истории испанской колонизации Нового Света.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта «Борьба за морское господство на заре эпохи Великих географических открытий: кругосветные экспедиции XVI века», поддержанного в рамках конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ молодыми учеными РГПУ им. А. И. Герцена.

Список источников

Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / ed. by M. Hume. London: Public Record Office, 1894. Vol. 2. 1568–1579. 742 p.
Calendar of Letters and State Papers Relating to English Affairs, Preserved Principally in the Archives of Simancas / ed. by M. Hume. London: Public Record Office, 1896. Vol. 3. 1580–1587. 720 p.
Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Over-land. Glasgow: J. MacLehose and Sons, 1904. Vol. 11. 458 p.
Narratives of the Voyages of Pedro Sarmiento de Gamboa to the Straits of Magellan / ed. by C.R. Markham. London: Hakluyt Society, 1895. 401 p.
New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / ed. by Z. Nuttall. London: Hakluyt Society, 1914. 443 p.
The World Encompassed by Sir Francis Drake / ed. by W.S.W. Vaux. London: Hakluyt Society, 1854. 295 p.

Библиографический список

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. Т. 2. 519 с.
Копелев Д.Н. Раздел океана в XVI–XVII веках. СПб.: Крига, 2013. 736 с.
Кофман А.Ф. Рыцари Нового Света. М.: Пан пресс, 2006. 261 с.
Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. 399 с.
Свет Я.М. В страну Офир. М.: Мысль, 1967. 232 с.
Arciniega R. Pedro Sarmiento de Gamboa (El Ulises de América). Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1956. 245 p.
Bobb B.E. Pedro Sarmiento de Gamboa and the Strait of Magellan // Pacific Historical Review. 1948. No. 17(3). P. 269–282.
Carrasco A.L. Vida y Viajes de Pedro Sarmiento de Gamboa. Madrid: Instituto Historico de Marina, 1945. 308 p.
Clissold S. Conquistador. The Life of Don Pedro Sarmiento de Gamboa. London: Derek Verschoyle, 1954. 204 p.
Fernandez Duro C. Armada Espanola desde la Union de los Reinos de Castilla y de Aragon (Vol. 2). Madrid: Imprenta Real, 1896. Vol. 2. 532 p.

Joaquín Z. C. Fortificación del Estrecho de Magallanes: Un Proyecto al Servicio de la Imagen de la Monarquía // Revista Complutense de Historia de América. 2013. № 39. P. 153–176.

Morison S.E. The European Discovery of America: the Southern Voyages, A.D. 1492–1616. New York: Oxford University Press, 1974. 758 p.

Spate O.H.K. The Spanish Lake. Canberra: Australian National University Press, 1979. 372 p.
The Struggle for the South Atlantic. The Armada of the Strait, 1581–1584 / ed. by C.R. Phillips. London: Hakluyt Society, 2016. 203 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.09.2021

SEA GATE OF THE “SPANISH LAKE”: THE FIRST EXPEDITION OF DE GAMBOA TO THE STRAIT OF MAGELLAN

D. V. Mikheev

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika emb., 48, 191186, St. Petersburg, Russia

tankred85@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9263-0234

ResearcherID: ADC-6410-2022

Scopus Author ID: 57765170300

The article analyzes the preparation and the course of the First expedition to the Strait of Magellan by Pedro Sarmiento de Gamboa, one of the most prominent Spanish navigators, scientists and humanists of the 16th century. The interest of the Spanish discoverers in the Strait arose immediately after Magellan's circumnavigation, but for more than half a century this area remained a frontier zone of Spanish possessions in the south of the American continent. The Drake's raid revived Spanish projects to explore and colonize the Strait. From a remote, undeveloped frontier area, the Strait turned into one of the main sea gates to the “Spanish Lake”, as the Spaniards themselves called the Pacific Ocean. The idea to prepare an expedition belonged to the Viceroy of Peru, Don Francisco de Toledo. He prepared the instructions and chose de Gamboa from among his subordinates as the general of the expedition. All the instructions of the expedition demonstrate the precise elaboration of all the details of the military and scientific research work necessary for the future colonization of the region. Despite the difficulties of the journey, the first expedition to the Strait can be considered de Gamboa's most successful venture. Following the main orders of the instructions, de Gamboa was able to complete the main tasks of the expedition. The paths to the strait were mapped, its Pacific and Atlantic estuaries were explored, its natural and geographical features were determined, contacts were established with the indigenous population, and the place of the future settlement was outlined. However, noticeable exaggerations in the descriptions of the region's natural resources, the mild climate and its dense population will contribute to the failure of the second larger expedition to the Strait.

Key words: Pedro Sarmiento de Gamboa, Francis Drake, Francisco de Toledo, Age of Discovery, New World, Strait of Magellan, Tierra del Fuego.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded in the framework of the competition for promising fundamental research by young scientists of the Herzen Russian State Pedagogical University, project “The Struggle for Maritime Dominance at the Dawn of the Age of Discovery: Around the World Expeditions of the 16th Century”.

References

Altamira y Crevea, R. (1951), *Istoriya Ispanii* [History of Spain], Vol. 2, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, Moscow, USSR, 519 p.

Arciniega, R. (1956), *Pedro Sarmiento de Gamboa (El Ulises de América)* [Pedro Sarmiento de Gamboa (The Ulysses of America)], Editorial Sudamericana, Buenos Aires, Argentina, 245 p.

Bobb, B. E. (1948), “Pedro Sarmiento de Gamboa and the Strait of Magellan”, *Pacific Historical Review*, № 17(3), pp. 269–282.

Carrasco, A. L. (1945), *Vida y Viajes de Pedro Sarmiento de Gamboa* [Life and Travels of Pedro Sarmiento de Gamboa], Instituto Historico de Marina, Madrid, Spain, 308 p.

Clissold, S. (1954), *Conquistador. The Life of Don Pedro Sarmiento de Gamboa*, Derek Verschoyle, London, UK, 204 p.

Fernandez Duro, C. (1896), *Armada Espanola des de la Union de los Reinos de Castilla y de Aragon* [Spanish Armada from the Union of the Kingdoms of Castile and Aragon], Vol. 2, Imprenta Real, Madrid, Spain, 532 p.

Joaquín, Z. C. (2013), “Fortification of the Strait of Magellan: A Project at the Service of the Image of the Monarchy”, *Revista Complutense de Historia de América*, № 39, pp. 153–176.

- Kopelev, D. N. (2013), *Razdel okeana v XVI–XVII vekakh* [Division of the ocean in the 16th – 17th centuries], Kruga, St. Petersburg, Russia, 736 p.
- Kofman, A. F. (2006), *Rytsari Novogo Sveta* [Knights of the New World], Pan press, Moscow, Russia, 261 p.
- Magidovich, I. P. & V. I. Magidovich (1983), *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii* [Essays on the history of geographical discoveries], Vol. 2, Prosveshchenie, Moscow, USSR, 399 p.
- Morison, S. E. (1974), *The European discovery of America: the southern voyages, A.D. 1492-1616*, Oxford University Press, New York, USA, 758 p.
- Phillips, C. R. (ed.) (2016), *The Struggle for the South Atlantic. The Armada of the Strait, 1581–1584*, Hakluyt Society, London, UK, 203 p.
- Spatte, O. H. K. (1979), *The Spanish Lake*, Australian National University Press, Canberra, Australia, 372 p.
- Svet, Ya. M. (1967), *V stranu Ofir* [To Ophir country], Mysl', Moscow, USSR, 232 p.